

В.В. Горовой

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: serstam@mail.ru)

Гендерный фактор в Древнем мире: античность

Современность и новейшая история с XIX в. сориентированы на социально-экономические и социально-политические события и факты. Однако в XX в. большое значение приобретает фактор, который историками-позитивистами прежних времен не учитывался. Данным фактором, являющим собой принцип гендерной дополнителности и включение в историю потенциала женского пола, является фактор гендерного ожидания. Однако не только в плане социально-экономической и политической истории данный фактор присутствовал в Древнем мире. Поэтому автор данной статьи доказывает его присутствие в античности, используя материалы источников как исторического, так и мифологически-религиозного содержания. С точки зрения автора, данное доказательство ориентирует научное исследование и на признание движущей роли фактора гендерного ожидания в античной Греции и Древнем Риме. Это доказательство предваряет переход от равенства мужчин и женщин в гендерном плане, доказанном на материале Древней Греции, к развитию предварительных тенденций региональной и мировой безопасности (античный мир), развивающийся исторически.

Ключевые слова: античность, Древний мир, гендерное ожидание, женские и мужские союзы, полис, Древний Рим, весталки, безопасность.

Древний мир — постпервобытность, история Древнего Востока в изобилии представлена отношениями полов в режиме не только господства (мужчины) и подчинения (женщины), но и ожидания перспективы сотрудничества полов на поле воспроизводства поколений, форматов поведения в том или ином социуме, на тот или иной манер, форматов поведения как обозначения сотрудничества и соперничества в потоке повседневной жизни и спонтанно, а также эстафетно развивающейся истории [1; 19, 39, 45].

Античность Греции и Рима представляется нам опорным пунктом для противовесов факторности гендерного ожидания между указанной выше протоцивилизацией в качестве отрыва от доисторических отношений в сторону цивилизационной инвариантности Древнего Востока и европейской современностью (начинающейся со времен европейского рыцарства и Возрождения и заканчивающейся формационно-капиталистическим феминизмом и гендерно-экономической определенностью).

Греческая античность в Олимпийской семье богов представлена двумя системами взаимоотношения богов и богинь (что на Востоке теряется в роли женщин-богинь во множественности тысяч божеств Египта и их разновариантности для очагового комплекса цивилизации Месопотамии). В группе Олимпийских богов поровну богов и богинь: в женской группе против шести божеств мужского пола присутствуют шесть богинь — Гера, Артемида, Деметра, Афродита, Афина, Гестия. Они явно самостоятельны, издревле наделены качеством общественного соучастия, в проявлении чудес не уступают мужам божественного масштаба. Семейные узы их тоже ничем не ограничивают (лишь Деметра «озабочена» судьбой дочери Персефоны, да и то в календарном плане).

Агон как соревнование вообще предположительно зародился в мифологии не между героями, а между богинями: суэта вокруг Трои и прекрасной Елены по мифологическому сюжету произошла из-за спора между Олимпийскими богинями по поводу «яблока» с надписью «Прекраснейшей». За эту свободу в режиме ожидания на гендерном поле жизнедеятельности (хотя бы и небесной) поэты-мелики (по-нашему — лирики) упрекали Гомера за то, что он изобразил богов и богинь ворами и одержимыми любострастностью: не только показывая их небожественные качества, но и опуская божества до человека [2; 164, 165].

Первое отступление от равенства гендерных ожиданий произошло на уровне героев. Героинь — наследниц богов и богинь в Древней Греции нет, есть группы старух, женщин среднего возраста, девиц, дев и девушек (группа муз при Аполлоне вообще безвозрастная, среди них и муза истории Клио, чье происхождение вообще загадочно). Но этим социально- и природно-представленным персонажам (среди последних — нимфы, дриады, наяды и т.д.) не присущи подвиги, лишь превращения и чудеса отражаются на их судьбе каким-нибудь завершением.

Это ущемление прав божественных и боговдохновенных женщин уравнивалось в полисном гендерном ожидании положением женщин как членов полиса (фиванок, спартанок, милетянок и т.д.), которые в своем полисном виде иногда признавались какими-либо образцами (фиванки — аристократки, спартанки — атлетки, милетянки, по Фокилиду, — образцы выбора судьбы) [3].

Как ни странно, гендерное ожидание не коснулось афинянок: художники Афин на фризах храмов и на художественных чернофигурных сосудах любили изображать борьбу афинских мужчине-гоплитов с амазонками из скифского мира, причем довольно долго афинские гоплиты изображались лишь обороняющимися, отражающими атакующие удары могучих амазонок. Из-за этого историки предположили, что был в свое время какой-то поход женского племенного ополчения скифянок во главе со скифскими царицами в Аттику (правда, из-за вмешательства Ахиллеса все-таки закончившийся их поражением) [4].

«Отец истории» Геродот описал образ жизни амазонок у реки Термодонт как жизнь женского полиса, из-за лагерной жизни посредством искусственно сохраняемого местообитания амазонок без мужчин похожего на спартанский. Так что данный момент уравнивания происхождения полиса греков (по К. Марксу) и стационарного, без мужчин, лагеря амазонок — тоже сюжет гендерного ожидания древних греков — афинян, так и не заподозривших своих женщин (по отношению к амазонкам) в гендерном равенстве. Но и это не конец данной художественной истории: с V в. до н.э. художники-керамисты, перейдя с чернофигурного стиля изображения на краснофигурный, рискнули начать изображать амазонок, терпящих поражение от греческих гоплитов. Так произошло возмещение гендерной проблематики между мужчинами и женщинами по-афински.

Женщинам Греции такая ситуация в гендерном ожидании не показалась странной: центром полиса становился не храм, где поровну могли быть представлены боги и богини посредством жертвенников и статуй. В V–IV вв. до н.э. центром полиса (по крайней мере, в Афинах) становится пританей, от которого кормились дежурные общественники и особо заслуженные сограждане (правда, сограждане — лишь по праздникам). Жена (и другие женщины в доме семьи), по Аристотелю, была наряду с мужем госпожой и обладала своим пространством в доме — гинекеем, куда мужчинам (кроме мужа) без спроса заходить было нельзя. Однако общественного гинекея в полисе не появилось: женщины, таким образом, в пространстве гендерного ожидания вынуждены были дополнять свое равенство с мужчинами процессиями в храмы своих божеств, присутствием на рынках, где они меньше были торговками, а больше покупательницами (никогда не было продавщиц, владелиц мастерских, трапедзиток, «оптовиц»). Некоторые женщины, начиная с архаики, предположили, что возможно стать своеобразным самостоятельным отражением гендерного превосходства — наперекор амазонским мечтам воинов-гоплитов. Среди них особо выделяется единственная известная на всегреческом уровне поэтесса Сапфо с острова Лесбос. В агоне — соревновании с поэтами-мужчинами и появилось историческое свидетельство о лесбийском союзе женщин, которое затем стало фактором развития их отношений без мужчин. На самом деле, Сапфо явила миру Греции не партнерство сексуального масштаба между женщинами, а возможность реально общаться между сородичами в дружбе — любви наперекор мужской, так называемой дружбе – любви, в гораздо более разнообразных проявлениях. Сопричастность с музами была главным комплексом женской любви – дружбы. Афродита и Афина здесь получали не просто опредмечивание нового состояния несоревновательного сотрудничества, но и новые возможности (для всех — переоценка ценностей, в которой можно было качественно повышать значение общественных союзов мужчин и женщин) [5, 1; 142–143, 198–200].

Античный Рим был, конечно, суровее Греции, но и в этой «полутьме» гендерного ожидания были просветы. Римляне с III в. до н.э. начали уравнивать, насколько это было возможно, в своих триадах богов — женские и мужские божества. Триад богов было две — для патрициев и для плебеев. В патрицианской счет был 2:1 в пользу мужчин (Юпитер, Марс, Юнона), в плебейской — 2:1 в пользу женщин (Цэра, Либера, Либера). Перспектива истории римлян из ранних времен постоянно включала гендерный фактор (сабинянки, матроны времен Кориолана), из-за сохранения римских женщин и детей появилось первое «иностранно-италийское» право (Цэритское). Таким образом, безопасность стала отличительным качеством, которое Риму с IV в. до н.э. приходилось обеспечивать и при помощи гендерного фактора дополнительности.

Однако в античности нигде не было такого института, исторически засвидетельствованного на всем протяжении римской истории не как положение жен и дочерей, спасающих Рим, а как коллегия дев-весталок. Эта коллегия, кажется, еще с царского периода, служила не только включением богини

Гестии из Греции в Пантеон римских богов под именем Весты, но и обозначала наивысшее положение женщины в римском обществе.

Девы-весталки, обреченные на безбрачие, тем не менее были особенными «гражданками своего права» (безотносительного преимущества по отношению к мужчинам в Риме). Ими ведал лишь один страж — главный жрец Рима, Великий понтифик. Именно весталка, призванная служить сакрально всю репродуктивную фазу жизни у священного огня Весты, олицетворяла собой чистоту, единство и неделимость образа жизни всех женщин Рима по-квиритски. Весталии праздновались в июне — месяце богини Юноны, повышая авторитетом Гестии / Весты авторитет женщин перед богами-мужчинами — Юпитером и Марсом в патрицианской триаде. В этом виде именно данный комплекс и придал значение такому правовому отношению, как римская юстиция — божественно-правовая справедливость. Кстати, первая стипендия — оплата ежемесячно, до римских солдат времени Гая Мария, выплачивалась из казны только действующим весталкам. В личностно-правовом плане с молодых ногтей весталка, назначенная на свой пост, приравнивалась к высшей степени положения женщины: матроне без мужа — вдове, вырастившей трех сыновей. В таком виде она могла распоряжаться своим имуществом, писать завещание. И только если завещания не было, имущество весталки отходило в государственную казну. До времени народных трибунов весталка получила право провокации — помилования ведомого на казнь государственного преступника (правда, только тогда, когда данная процессия встречалась весталке случайно). Что интересно, ни один из мужей Рима не мог обладать указанным выше правом.

Однако коллегия весталок не была женским союзом (как лесбийский союз женщин в Греции). Девы-весталки были вшестером (полный состав) обычно разновозрастными, интересы их не соотносились на социальном уровне, так как они не знали брака, дававшего социальность женщинам в Риме. Девы не могли выступать согласно, лишь какие-то привилегии при проведении жертвоприношений имела старшая дева-весталка. В уголовном плане Великий понтифик мог приговорить весталку за нарушения (прежде всего за прелюбодеяние) к смерти, но только после совещания со всей коллегией понтификов. Дружбы весталок в источниках не замечено, из социально-политических качеств за ними закреплено самое древнее право в Риме — отпуска рабов на волю (вольнотпущенничество). Так что фактор гендерного ожидания для всех женщин представлен весталками как качество, предвещающее системную безопасность Древнего Рима как «корпус целомудрия» по гендерному образцу [6; 287–298].

Историки всегда оценивают течение истории процессуально. Процесс от простого к сложному прослеживается в случае присутствия в нем античности — как развитие именно практики гендерного ожидания, насколько мы это смогли увидеть на примере Древней Греции и Рима. Самое значительное присутствие в данном процессе, конечно же, женщин Рима в образе весталок — вместе с верховным божеством, триадой и пантеоном богов у них покровительство нерушимости клятвы. Но при этом весталки Рима как бы выпадают из обычной античной процессуальности — системность их присутствия здесь обеспечивает развитие сотрудничества как жречества мужчин и женщин Рима и состояние обеспеченности прав женщин и мужей в Римской республике.

В таком виде качество целостности (единства и неделимости) в ракурсе безопасности античного образа жизни на греческо-римский манер защищено лишь чистотой огня Весты и целомудренностью ее служительниц. Но не это ли является следующим шагом в гендерном ожидании при переходе от полисной (локальной) безопасности, как региональной безопасности Древнего Рима, к фазе мирового постижения безопасности вообще? Недаром весталки, как цари и важнейшие магистраты, сопровождалась охраной ликторов, а чистоту Сапфо обеспечивал лишь стыд поэта Алкея, который признавался, что именно это качество удерживает его от того, чтобы сказать Сапфо скабрзность...

Список литературы

- 1 Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока / А.И. Немировский. — М.: Просвещение, 1994. — 368 с.
- 2 Немировский А.И. История древнего мира. Античность / А.И. Немировский. — М.: Владос, 2000. — 441 с.
- 3 Гиро П. Частная и общественная жизнь греков / П. Гиро / Пер. с фр. Н.Н. Лихаревой. — СПб., 1913/1994. — 672 с.
- 4 Геродот. История в 9 кн. / Пер. с др. греч. Г.А. Стратановского. — М.: Ладмир, 1999. — 738 с.
- 5 Мьякин Т.Г. Сапфо: язык, мировоззрение, жизнь / Т.Г. Мьякин. — СПб.: Алетейя, 2004. — 240 с.
- 6 Сморгчов А.М. Коллегия весталок / А.М. Сморгчов, Л.Л. Кофанов // Жреческие коллегии в раннем Риме. — М.: Наука, 2001. — 328 с.

В.В. Горовой

Ежелгі дәуірдегі гендер факторы: антикалық кезең

XIX ғ. бастап қазіргі кезең мен қазіргі заман тарихы әлеуметтік-экономикалық және әлеуметтік-саяси оқиғалар мен фактілерге бағытталған. Бірақ XX ғ. ертедегі тарихшы-позитивистер тарапынан ескерілмей қалған фактор айтарлықтай маңызды болды. Бұл фактор тарихқа әйел жынысының енуі және гендерлік болып саналады. Аталған фактор тек қана әлеуметтік-экономикалық және саяси тарихта болған жоқ, сонымен қатар ежелгі дәуір тарихында да орын алды. Сол себепті мақала авторы тарихи және діни сипаттағы мифологиялық деректерді қолдана отырып, гендерлік фактордың антикалық кезеңде орын алғанын дәлелдейді. Автордың пікірінше, аталған дәлелдеме ғылыми зерттеуді антикалық Греция мен Ежелгі Римде гендерлік фактордың қозғаушы күш болғандығын мойындауға бағыттайды. Бұл дәлелдеме ерлер мен әйелдердің теңдігінің Ежелгі Грецияда болғандығын және аймақтық, әлемдік қауіпсіздіктің тенденцияларының дамуына алып келгендігін көрсетеді.

Кілт сөздер: антикалық кезең, ежелгі дәуір, гендерлік фактор, әйелдер және ерлер одағы, полис, Ежелгі Рим, весталкалар, қауіпсіздік.

V.V. Gorovoy

The gender factor in ancient world: antiquity

Modernity and modern history since the XIX century are oriented towards socio-economic and socio-political events and facts. However, in the twentieth century is becoming increasingly important a factor, which not taken into account by historians-positivists of earlier times. This factor, which is the principle of gender complementarity and the inclusion of female potential in history, is a factor of gender expectations. However, this factor was not only in socio-economic and political history, also in the ancient world. Therefore, the author of this article proves its presence in antiquity, using materials from sources of both historical and mythological religious content. From the author's point of view, this evidence focuses on scientific research also on the recognition of the driving role of gender expectations the factor in ancient Greece and Ancient Rome. This evidence precedes the transition from gender equality in gender terms, proved on the material of Ancient Greece, to the development of preliminary trends in regional and world security (the ancient world) developing historically.

Keywords: antiquity, ancient world, gender expectation, female and male unions, police, Ancient Rome, Vestal, security.

References

- 1 Nemirovskiy, A.I. (1994). *Mify i lehendy Drevneho Vostoka [Myths and legends of the Ancient East]*. Moscow: Prosveshchenie [in Russian].
- 2 Nemirovskiy, A.I. (2000). *Istoriia drevneho mira. Antichnost [Ancient world history. Antiquity]*. Moscow: Vlado [in Russian].
- 3 Giro, P. (1913/1994). *Chastnaia i obshchestvennaia zhizn hrekov [Private and public life of the Greeks]*. (N.N. Likhareva, Transl.). Saint Petersburg [in Russian].
- 4 Herodot. *Istoriia v 9 knihakh [Herodotus. History in 9 books]* (1999). (G.A. Stratanovsky, Transl.). Moscow: Ladmir [in Russian].
- 5 Myakin, T.G. (2004). *Sapfo: yazyk, mirovozzrenie, zhizn [Sappho: language, worldview, life]*. Saint Petersburg: Aleteiia [in Russian].
- 6 Smorchkov, A.M., & Kofanov, L.L. (2001). *Kollehiia vestalok [Vestal collegium]. Zhrecheskie kollehi v rannem Rime — Priestly colleges in early Rome*. Moscow: Nauka, 328 [in Russian].